

ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОГО ДИСКУРСА

DOI: 10.17212/2075-0862-2018-1.1-164-182

УДК 008

«ПРЕКРАСНАЯ СТРАНА ЯПОНИЯ, ПРЕКРАСНАЯ СТРАНА РОССИЯ»: ФОРМИРОВАНИЕ И ВОСПРИЯТИЕ ОБРАЗА ВРАГА

Воробьева Эвелина Александровна,

кандидат исторических наук,

доцент кафедры истории и политологии

Новосибирского государственного технического университета

Россия, 630073, Новосибирск, пр. Карла Маркса, 20

ORCID: 0000-0002-3040-0350

tinva@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена проблеме формирования и восприятия «образа врага» и шире – национальных стереотипов как таковых (на примере отношений между Японией и Россией). Автор рассматривает, во-первых, процесс формирования культурного стереотипа в отношении Японии и японцев, отмечая его двойственность. Уже к середине XIX века сложились и стереотип восприятия японцев как «свирепых азиатов», и представление о них как о трудолюбивом, образованном, скромном, вежливом, умном народе (благодаря запискам капитана В.М. Головнина). Дальнейшие контакты между Японией и Россией (заключение Симодского трактата, открытие русского консульства в Хакодате и т. д.) сделали образ Японии в России еще более неоднозначным. Япония представала в глазах русского общества и как прекрасная, сказочная «страна самураев и гейш» с трудолюбивым, умным и образованным народом, и как малоразвитая, архаичная страна с курьезными обычаями и традициями (а японцы – как недалекие, лицемерные и трусоватые люди).

Изменение геополитического положения в начале XX века привело к активной подготовке к войне с обеих сторон, сопровождавшейся массовой пропагандой, направленной на создание «образа врага». Автор исследует вопросы, на основании чего формировался «образ врага» в преддверии и в годы Русско-японской войны 1904–1905 гг., что из него было воспринято и почему, как и под воздействием каких факторов этот образ трансформировался, в том числе какую трансформацию образ Японии претерпел в российских СМИ. Обращается внимание на то, что ключевым в формировании «образа врага» в отношении японцев стало муссирование представлений о японцах как «азиатах», язычниках, дикарях, с одной стороны, и тема «желтой опасности» – с другой. Однако, несмотря на

все усилия властей и пропаганды, восприятие японцев в России и восприятие русских в Японии не стало однозначно негативным и враждебным. В ходе же непосредственного столкновения сторон взаимные «образы врага» подверглись значительной трансформации (особенно восприятие вражеских армии и флота), к противнику стали относиться с уважением и даже с восхищением. К концу войны для русского общества главным врагом вообще стали не японцы, а русское самодержавие.

В заключение автор исследует вопрос о послевоенном восприятии японцев в русском обществе и «пределах жесткости» национальных стереотипов. Отмечается, что из культурного стереотипа ушло представление о японцах как варварах и низшей расе, но сохранилась идея «желтой опасности» (в значительной мере – из-за позиции властей по разжиганию шпиономании и ксенофобии в отношении японцев). Вместе с тем в русском обществе сохранялись и симпатии к японцам, особенно на дальневосточных окраинах.

Ключевые слова: Япония, национальные и культурные стереотипы, образ врага, пропаганда, шпиономания.

Библиографическое описание для цитирования:

Воробьева Э.А. «Прекрасная страна Япония, прекрасная страна Россия»: формирование и восприятие образа врага // Идеи и идеалы. – 2018. – № 1, т. 1. – С. 164–182. – doi: 10.17212/2075-0862-2018-1.1-164-182.

Встреча двух культур – неоднозначный и сложный процесс, неизменно привлекающий интерес исследователей. Особенно пристальное внимание привлекает встреча субъектов, чей «культурный код» сильно отличается друг от друга. В настоящее время наиболее востребованной является концепция, согласно которой любая культура делится на свою и чужую, причем своя воспринимается как «естественная», «правильная», сама собой разумеющаяся, а чужая – нет. Изучением образа «чужого» в общественном и культурном сознании занимается специальная дисциплина – имагология, действующая на стыке культурологии, исторической антропологии и социологии.

Восприятие чужой культуры зависит от множества факторов и может находиться в диапазоне от доброжелательного любопытства до неприятия и враждебности. Как правило, отношение к чужому настороженное, а часто – и негативное. И практически всегда восприятие чужой культуры связано с формированием культурных и национальных стереотипов – упрощенных, весьма жестких, устойчивых представлений, возникающих у человека под влиянием культурного окружения. Если же взаимоотношения государств и народов переходят в стадию военного столкновения, на уже существующие культурные и национальные стереотипы накладывается еще и искусственно создаваемый «образ врага», призванный обеспечить

мобилизационную активность населения в ходе войны. Проще говоря, противник в глазах населения становится не просто «чужим», «неправильным», «отсталым», но и переходит в разряд чудовищ (и изображается как агрессор, варвар, садист, преступник, убийца и т. д.).

Но насколько действенным оказывается «образ врага»? На что он опирается? Как он трансформируется в ходе непосредственного столкновения людей? Что из него воспринимается, а что нет? Так ли все однозначно, как кажется?

В этой связи весьма интересно исследование ситуации, которая сложилась в начале XX века между Россией и Японией. Обозначим в двух словах предысторию. До середины XIX века Япония была закрытой страной и взаимоотношения между Россией и Японией носили эпизодический и узкий характер. Обе страны оставались друг для друга фактически «terra incognita». В России знали о Японии со слов китайцев, что породило стереотип восприятия японцев как «свирепых азиатов».

Первым литературным трудом, из которого русский читатель мог подробно узнать о Японии, были записки капитана В.М. Головнина, который в ходе экспедиции по изучению Курильских островов в 1811 г. был взят японцами в плен и провел в Японии два года. «Записки флота капитана Головнина о приключениях его у японцев...» [5] были опубликованы в 1816 г. и кроме подробного изложения собственно обстоятельств плена содержали также описание природы, климата, состояния торговли, промышленности и сельского хозяйства, образа государственного управления Японии, а также вероисповедания, обычаев, обрядов, быта и культуры японцев. Примечательно, что Головнин дал японцам очень высокую оценку, описав их как народ мирный, трудолюбивый, образованный, скромный, вежливый, умный, честный, справедливый, сострадательный и гостеприимный. Приведу несколько характерных цитат: «Что касается до народного просвещения в Японии, то... японцы суть самый просвещенный народ во всей Подсолнечной. В Японии нет человека, который бы не умел читать и писать и не знал законов своего отечества» [Там же, с. 323]; «если над сим многочисленным, умным, тонким, переимчивым, терпеливым и ко всему способным народом будет царствовать государь, подобный нашему великому Петру, то с пособиями и сокровищами, которые Япония имеет в недрах своих, он приведет ее в состояние, через малое число лет, владычествовать над всем Восточным океаном» [Там же, с. 326]; «попечение японского правительства о благе общем и о частных пользах своего народа весьма похвально и, вероятно, будет не последней из причин, могущих уверить наших европейских пристрастных, но, впрочем, строгих судей, что уж пора им исключить японцев из числа варваров» [Там же, с. 389]. Состояние армии и флота Японии Головнин оценивал как доста-

точно низкое, но добавляя, что в случае необходимости японцы легко могут перенять у европейцев достижения науки и техники и в несколько лет стать опасным соперником. Впрочем, никакой «природной ненависти» к европейцам у японцев нет, а их поступки, в том числе жестокие (расправы с христианами и пр.), являются реакцией на действия самих европейцев.

После заключения в 1855 г. Симодского трактата контакты между Японией и Россией стали стремительно расширяться. В 1858 г. в Хакодате были открыты русское консульство (миссия), а также школа и больница. Состоявшие при консульстве врач и морской офицер должны были оказывать японцам содействие в изучении медицины, мореходных наук и астрономии, а русскому консулу предписывалось поощрять подчиненных к изучению японского языка.

С.В. Чернявский отмечает более чем успешную деятельность консульства в Хакодате в деле налаживания дружеских связей между Россией и Японией. На базе консульства был открыт госпиталь на 200 мест, в котором лечились не только русские подданные, но и японцы (амбулаторно и стационарно). Русские и японские врачи обменивались опытом, инициировалось изучение японцами русского языка, японцев знакомили с русскими обычаями и традициями, устраивались праздники по случаю Рождества и Нового года и т. д. [17, с. 83].

Весьма деятельное участие в развитии дружественных связей между Россией и Японией принял также отец Николай, с 1861 г. ставший настоятелем русской православной церкви при консульстве, а позже (в 1870 г.) возглавивший русскую духовную миссию. Весьма примечательно письмо обер-прокурора Синода Д.А. Толстого на тему учреждения в 1869 г. в Хакодате духовной миссии: «По свидетельству отца Николая, изучавшего в течение 8-летнего пребывания своего в Японии историю ее, религию и дух японского народа, японцы отличаются самую живую любознательностью и в последнее время обнаруживают сильное стремление к усвоению европейской цивилизации... Японцы высказывают ныне к христианству миролюбивое расположение. Равным образом и правительство японское нельзя упрекать во враждебности к христианству... Успехи западных миссионеров вызвали и настоятеля нашей церкви на миссионерскую деятельность, которая также принесла свои плоды... Министерство иностранных дел в случае, если С. Синод признает осуществимым предлагаемое о. Николаем учреждение православно-русской духовной миссии, не может не сочувствовать оному, и что усердие и опытность настоятеля нашей консульской церкви в Хакодате, достаточно уже известная министерству, позволяют надеяться, что под его руководством труды миссии при предстоящей ей деятельности в Японии не останутся без благодетельных последствий для православной церкви» (цит. по [Там же, с. 85]).

В 1867 г. между Японией и Россией была заключена конвенция для облегчения торговых сношений, включавшая различные вопросы торговли. В 1870 г. наряду с консульством в Хакодате было открыто также генеральное консульство в Токио. К концу века началась «трудовая миграция» на русский Дальний Восток: японцы активно работали на рыболовных промыслах, а также в качестве домашней прислуги, фотографов, торговых агентов и пр.

Итак, контакты между Россией и Японией стремительно расширились. Каким же стал образ Японии в России? Ряд исследователей, например Л.В. Жукова, считают, что национальный стереотип в отношении Японии остался в целом таким же, как и в XVII–XVIII веках: Япония – малоразвитая, архаичная страна с курьезными обычаями и традициями, а японцы – недалекие, лицемерные и трусоватые люди, в целом похожие на татаро-монгол или китайцев. Как считает Л.В. Жукова, в формировании данного стереотипа большую роль сыграла книга очерков И.А. Гончарова «Фрегат “Паллада”», впервые опубликованная в России в 1858 г. и многократно переиздававшаяся [4, с. 343–346]. В.Э. Молодяков считает, что, напротив, в XIX веке сложился образ «живописной», или «прекрасной» Японии: Япония как страна художников и уникальной культуры (в том числе прикладной – веера, лакированные изделия, кимоно и пр.), «сказочная страна самураев и гейш» [10].

Представляется, что российский национальный стереотип Японии к концу XIX века не был однозначен и содержал как представление о «сказочной чудесной стране» и трудолюбивых, честных, вежливых японцах, так и представление об отсталой Японии и варварах-японцах, недалеких, трусливых и лицемерных. На формирование обоих этих стереотипов влияла как русская литература (и Гончарова, и Головнина неоднократно переиздавали, а из книги Головнина даже сделали адаптированную версию «для народа»), так и прямые контакты между японцами и русскими.

На рубеже XIX и XX веков существенно изменилась внешнеполитическая ситуация. После «революции Мэйдзи» стремительно модернизирующаяся Япония перешла в разряд капиталистических держав и стала претендовать на гегемонию в Азии. Не вдаваясь в подробности, отметим, что на Дальнем Востоке (в Маньчжурии, Корее и Китае) геополитические интересы Японии и России пришли в столкновение. После того как Россия в 1895–1897 гг. фактически отняла у Японии плоды победы над Китаем, заставив Японию отказаться от Симонсекского договора, заняв Порт-Артур и заключив с Китаем договор об аренде Ляодунского полуострова и строительстве КВЖД, война между странами стала практически неизбежной. Последней каплей стало активное проникновение России в Корею, в том числе пресловутая «безобразовская авантюра» с лесными концессиями на

р. Ялу. После этого Япония начала активно готовиться к войне, заключив в 1902 г. договор с Англией. Осенью 1903 г. русский посланник в Токио барон Розен отмечал, что «войны с нами жаждет весь японский народ, жертвования текут со всех сторон, принесено столько жертв, что война неизбежна» (цит. по [13, с. 27]).

Отец Николай в своих дневниковых записях также писал, что японские газеты «неприязненно настроены относительно русских из-за Манчжурии» и ведут активную провоенную пропаганду, создаются общества «к возбуждению этой войны» – и всё это «при неистовых науськиваниях со стороны Англии». «Японцы, конечно, не могут простить нам Порт-Артура; а тут еще неисполнение нами обещания вывести войска из Манчжурии, главное же – зуд японцев подражаться с великою европейскою державою, чтобы уж окончательно получить диплом на звание великой азиатской державы» [3, 8/21 апреля 1903].

В числе прочего о. Николай приводит в своем дневнике и примеры антирусской пропаганды: «Каждый воскресный номер “Дзидзи Симпоо”, газеты серьезной, вроде нашего “Нового Времени”, выходит со страницей карикатур. Сегодня полстраницы занимала следующая карикатура: заглавие “Еку-фукаки яро-но юме” – “сон жадного мазурика”, причем “яро” (мазурик, негодяй) изображено знаками: “я” – дикий, “ро” – Россия, значит можно читать “сон жадного русского дикаря”. Картинки: 1-я – мазурик спит глубоко и сладко; изображен, действительно, настоящим мазуриком, с штанами, продранными на коленях, с истасканной шляпой; 2-я – мазурик стоит и с восхищением видит на земле гнездо яиц, на которых иероглифами изображено “Манчжурия”; тут же около стоит бутылка водки с ярлыком: “Желтое море”; 3-я – мазурик берет на руки яйца и бутылку и стоит с ними, а перед ним петух, на хвосте которого значится тоже Манчжурия; 4-я – мазурик сидит и ножом потрошит петуха; 5-я – у очага варит петуха и держит бутылку, видимо, наслаждаясь перспективой на славу угоститься; 6-я и последняя: но это ему не удалось – японский офицер с саблею у бока указывает пальцем ему “вон” и мазурик с лицом, изображающим ужас, и согнутый, в страхе готовится задать стрелка. И вот как представляют Россию! Натрубили же в уши японцам англичане, что они уже великая и образованная нация, а Россия все еще пребывает дикою и при этом варварски жадною и бессовестною!» [3, 19 октября/1 ноября 1903].

Россия ответила тем, что летом 1903 г. было учреждено наместничество на Дальнем Востоке, и наместником был назначен адмирал Е.И. Алексеев, сторонник агрессивной политики. Однако подготовка к войне с Японией велась крайне небрежно, поскольку Япония рассматривалась как ничтожный противник, победить которого ничего не стоит. Е.С. Сеньявская, подробно исследовавшая вопрос о восприятии японцев как противника в

годы Русско-японской войны, считает, что ключевую роль в восприятии японцев как ничтожного противника сыграл сложившийся еще до войны культурный стереотип: «Безусловно, особое место в этом процессе занимал “изначальный”, сформированный еще в мирной жизни стереотип восприятия Японии и японцев как противника, представлявшего этнически, культурно, религиозно чуждую, “иную” цивилизацию. Нужно учитывать, что эти стереотипы формировались у определенного субъекта восприятия, а именно: у людей, принадлежавших к специфической российской цивилизации, преимущественно восточных европейцев-славян, православных по вероисповеданию и культуре. Эти штампы восприятия сводились в основном к нескольким обобщенным представлениям о японцах как “азиатах”, язычниках, а значит, не просто “других”, но еще и отсталых, “дикарях”, варварах... Как к “макакам” относился к японцам и сам император Николай II, ненависть которого была вызвана, в частности, тем, что, еще будучи наследником престола, он посетил Японию, где подвергся нападению фанатика и был ранен мечом в голову. Как к “макакам” относилось к ним и следовавшее за императором “высшее общество”, и генералитет, и офицерство, и даже солдатская масса. Естественно, армия заимствовала это отношение у “гражданского” общества» [13, с. 29].

К образу «макак» добавлялась идея «желтой опасности» (стремление Японии к господству в Азии и захвату русского Дальнего Востока; японцы как коварный, сильный, хищный и наглый враг). С начала XX века русские СМИ стали активно формировать именно этот стереотип. Л.В. Жукова отмечает в связи с этим: «С одной стороны, японцы сравниваются с татарами, китайцами и т. д. С другой стороны, постоянно подчеркивается, что они – не мы... Для описания японцев используется специальный язык с подменной понятием (трансформация: свиреп – кровожаден – каннибал) и с устойчивыми словосочетаниями (желтолицые островитяне, желтомордые макаки и т. д.). Очень широко используется при создании стереотипа эмоциональное воздействие. Вначале наиболее часто авторы обращаются к обывательскому самодовольству (японцы – маленькие, тщедушные, трусливые, глухие, отсталые и т. д.). Интересно, что культурно-мессианские концепции освоения Дальнего Востока неразрывно связаны с этим чувством. Активизация дальневосточной политики России сопряжена с эксплуатацией обывательского страха. “Желтая опасность” представлялась в самых разнообразных видах – здесь и непримиримость двух рас, и панмонголизм, и представление о японцах как беспощадных и алчных наследниках монголо-татар, и социально-адаптированные варианты (о военной угрозе со стороны Японии, о нарушении японцами норм международного права, о конкуренции японских товаров, о стремлении японцев вытеснить русских с Дальнего Востока и т. д.)» [4, с. 450].

Оба этих стереотипа («желтая опасность» и «японцы – дикари и варвары») влияли на конкретные действия властей, особенно на Дальнем Востоке, где началась настоящая шпиономания. Скажем, в циркуляре от 18 июля 1902 г. военный губернатор Приморской области Н.М. Чичагов писал, что для недопущения деятельности «японских офицеров-шпионов» необходимо «иметь неослабное наблюдение за проживающими и прибывающими японцами» [11, л. 11]. А чиновник по дипломатической части при приамурском генерал-губернаторе писал в своей докладной, что к японцам нужно применять высшую меру, чтобы удерживать их от шпионства. Он же считал, что «шпионским успехам» японцев способствует «особенно самоуверенное отношение русского населения к японцам, китайцам и корейцам как к существам низшим, исключаяющее всякую необходимость в какой-либо обычной осторожности в сношениях с ними... японцы, в свою очередь, считают русских за наивных варваров и позволяют себе в отношении нас несравненно более, чем бы то они сделали в других государствах» [11, л. 36, 37].

Казалось бы, всё однозначно – обе страны готовятся начать войну, а для создания и поддержания мобилизационной активности населения в определенном ключе формируется общественное мнение, в том числе создается «образ врага». С обеих сторон этот образ содержал в себе представление о противнике как агрессоре (Россия хочет захватить Маньчжурию и Корею, а потом и Японию [7, 8]; Япония хочет захватить русский Дальний Восток и Сибирь) и опирался на уже существующий культурный стереотип «варварства» противной стороны.

Но не все так просто. В Японии начала XX века тема России вызвала отнюдь не только негативные ассоциации. В частности, в Японии была очень популярна русская литература (особенно такие авторы, как Лев Толстой, Михаил Лермонтов, Максим Горький) [16]. В фильме японского режиссера Тосио Масуда «Высота 203» (фильм посвящен осаде Порт-Артура) есть очень характерный момент. Главный герой фильма школьный учитель Кога любит Россию, изучает русский язык и русскую литературу. Прежде чем отправиться на Русско-японскую войну, он пишет для своих учеников на доске фразу: «Прекрасная страна Япония. Прекрасная страна Россия» и просит не стирать ее. Он говорит своим ученикам, что как в сердце каждого есть что-то хорошее, так же нет страны, которая была бы плохой. «Никто не должен думать, что все русские – враги Японии. У России есть Толстой, писатель, известный во всем мире. Толстой принес миру идею всеобщей любви. Все люди на этом свете – дети одного Бога. Важнее всего для него сердце, которое может любить ближнего». Еще один показательный момент в фильме – диалог с командиром. Когда командир спрашивает Кога, что он думает о России, тот отвечает: «Восхи-

щаюсь ею. Я восхищаюсь русским народом, но как солдат...». Командир смеется: «Не продолжайте. Я тоже читаю Толстого». В целом в фильме показано, что солдат вела в бой не ненависть, а чувство долга.

Отец Николай в своем дневнике также отмечает, что единства в отношении войны с Россией нет: «Партия войны сильно желает вовлечь Японию в войну, конечно, имея в перспективе победить Россию. Не столь горячие оптимисты думают: “хоть и не победим, а все же приобретем большое реноме, воевали-де с одной из сильнейших держав Европы” – и тоже желают войны. Самые благоразумные люди, к которым принадлежат составляющие нынешний Кабинет (Премьер Кацура, Министр иностранных дел Комура), опасаются поражения и потому не решаются на войну. Масса же страны, разумеется, желает мира. Мира и дай Бог!» [3, 28 ноября/11 декабря 1903].

В России в преддверии и в годы Русско-японской войны на создание «образа врага» в лице японцев были направлены значительные усилия. Газеты активно писали о «желтой опасности», о стремлении японской расы к лидерству, мечтах о создании «империи желтолицых», ненависти Японии к европейской цивилизации, крайнем шовинизме и национализме японцев и т. д. Приведу пару характерных цитат из газет: «Эта языческая раса питает глубочайшую вражду к христианству... евангельское учение о любви и прощении никогда не привьется к жестокой и полной ненависти душе японца, и уже по одному этому союз с этим коварным народом не может быть прочным» [2, № 152]; «Горе тому народу, который будет поработен японцами – он умрет для истинной жизни сердца и духа. Вера в нем заглохнет, все будет подчинено известному режиму – дело, работа займет свободное творчество, и оно погибнет» [Там же, № 226].

Много писали также о японском шпионаже, о том, что Япония жаждет захватить русский Дальний Восток и Сибирь. В качестве доказательства приводились выдержки из писем японских солдат и офицеров, японские патриотические стихи и пьесы и т. п. «Классикой жанра» в изображении противника как захватчика и агрессора было изображение японцев как культурно отсталых, заносчивых, тщеславных, невежественных, двуличных, коварных, жестоких, лживых и т. д. Описания обычаев японцев часто носили сенсационный характер этакой «клубнички»: узаконенная проституция, совместные купания, рабство женщин, отсутствие понятия любви и прочее.

Презрительное, враждебное отношение к японцам достигло своего пика в начале войны. Редактор «Нового Времени» А.С. Суворин, например, писал о японцах как «ядовитых карлах», как «азиатах и язычниках», у которых «своя нравственность, свои правила, своя дипломатия»: «Дьявол поднялся на Дальнем Востоке... обожгло Россию, обожгло весь рус-

ский народ. Заболели наши раны, русская кровь полилась, смерть разинула свою пасть и поглотила первые жертвы, облитые слезами отцов и матерей» [15, с. 46].

Как видим, «образ врага» в отношении японцев в основном опирался на противопоставление «правильной», «истинной» русской православной культуры и «неправильной», «языческой», «варварской» японской. По умолчанию считается, что именно это противопоставление и сформировало в русском обществе отношение к японцам как к врагам. При этом забывается, что русская религиозность к началу XX века переживала глубокий кризис (и в годы Русско-японской войны полковые священники будут жаловаться, что русские солдаты равнодушны к вере), а вопросами геополитики интересовались только высшие слои населения, так что из создаваемого стереотипа усваивалось далеко не всё. Про панмонголизм рассуждали в основном образованные слои – дворянство и интеллигенция, читавшие Вл. Соловьева и В. Брюсова, а простой народ воспринимал японцев по аналогии с китайцами, т. е. как некоего далекого и ничтожного противника. В качестве примера можно привести толки казаков Кубулаевской пограничной охранной сотни: «Нужно бы кликнуть клич, мы обойдем, крикнем “ура” и кончено». Сам факт, что этот ничтожный противник «посмел напасть», возмущал больше всего. Те же, кто сталкивался с японцами непосредственно, воспринимали их, опираясь на конкретный опыт взаимодействия. Например, на русском Дальнем Востоке японцы в качестве прислуги очень ценились как добросовестные, честные, опрятные, вежливые работники; особенно популярны были японки в роли нянь.

Примечательно и то, что даже в годы Русско-японской войны русская пресса была вовсе не единодушна в изображении японцев. Например, газета «Сибирская Жизнь», издававшаяся в Томске, писала о Японии в спокойном, доброжелательном и выдержанном духе. В газете приводились обширные сведения по географии и истории Японии, о состоянии экономики (с цифрами роста), культуре, религии, об особенностях менталитета и прочем, причем делались попытки анализа: почему развитие страны пошло именно по этому пути, что принесли Японии проникновение в страну буддизма или, скажем, установление сёгуната и т. п. Неизменно подчеркивались те достижения, в которых Страна восходящего солнца обогнала Россию, а именно: развитая парламентская система, всеобщее начальное образование и доступность среднего и высшего, развитость и доступность прессы и вообще активная гражданская жизнь японцев.

«Сибирская Жизнь» также отмечала, что в повседневной жизни японцы жизнерадостны, охотно посещают разные учреждения – как просветительские, так и увеселительные; много читают, крайне вежливы, а их чистоплотность «доведена до пределов возможного»; в употреблении спирта

ных напитков японцы соблюдают «похвальную умеренность»; ценят и понимают красоту, и даже недолговечные вещи отличаются тонким вкусом; кроме того, жителей «Страны восходящего солнца» отличает трудолюбие, добросовестность и «твердое сознание своего достоинства» [14, № 2, 20, 26, приложение к № 59]. Высоко оценивалась и духовность японцев, о которой писалось, например, в следующих выражениях: «Не лишись ни одного корабля, не проиграв ни одной битвы, Япония войной 1894–95 гг. сократила силу Китая, создала новую Корею, расширила собственную территорию, изменила всю политическую физиономию Восточной Азии. Если это поразительно в отношении политическом, то еще более поразительно психологически, так как это свидетельствует о многостороннем развитии сил народа, не проявлявшихся им до того, никем не подозревавшихся, не ожидавшихся от него, некоторых сил совершенно особого рода» [Там же, № 90].

Вообще в ходе Русско-японской войны карикатурный образ «макаю» постепенно сходил на нет даже там, где он изначально был (что отмечает в своем исследовании и Е.С. Сенявская). Своеобразным итогом можно назвать статью профессора Трачевского из «Биржевых Ведомостей», перепечатанную «Сибирской Жизнью» в августе 1904 г. В статье автор предлагал задуматься о контрастах Японии: «макаки» дают европейцам уроки трезвости, чистоплотности и любезности; предания самураев сочетаются с гражданским чувством и свободой личности, божественная особа императора – с парламентаризмом, гейши – с верными женами и чадолюбивыми матерями и т. д. В заключение профессор предлагал не ругать японцев, а признать пороки собственной цивилизации [Там же, № 169].

Особенно значительной трансформации подверглась оценка японской армии, что неудивительно, учитывая постоянные поражения русской армии и флота. До войны японской армии и флоту давались крайне уничижительные оценки: «японский солдат вымуштрован хорошо, но лицо обезьянье, без всякого выражения», «японская кавалерия очень плоха», «артиллерия малоискусна», «Япония не военная страна, это просто кокетливая, улыбающаяся гейша» и т. д. (особенно тут постарались такие «авторитеты», как П. Краснов и Гурский, публиковавшие свои статьи в журнале «Разведчик»).

В лубках изображения японских солдат и матросов превращались уже просто в карикатуру. Характерны были, например, такие рисунки: казак, копьем пронзивший двух японцев, другой рукой держит японца за ухо; сошлись два броненосца, и русский матрос разбивает японскому лицу; адмирал Того в виде обезьяны пишет фальшивые рапорта и т. д. Под статью этому были и характеристики японцев («косоглазые вояки», «желтолицые враги», «желтые макаки» и т. п.), и подписи под рисунками: «Да, дела идут не дурно;

для японца ж – порт-артурно (хоть он действует бравурно и совсем уж не культурно). Ему стоит Порт-Артур уже многих желтых шкур! Чуть к нему он подойдет, смотришь, нос и расшибет! Уж тоска японца гложет: ничего-то он не может сделать с русским молодцом, с порт-артурским моряком. А уж что будет потом, будем знать, коль обождем! Плохо желтому на море, а на суше вдвое горе: тут казак макаку эту рубит пашкой, как котлету, чтоб известно было свету, что проехал где казак – нет уж духа от макак!» [1, № 93].

По мере развёртывания боевых действий японская армия была признана сильным и достойным противником. В прессе стали писать, что японская армия хорошо организована, вооружена, дисциплинирована, готова умереть вся до последнего солдата за Японию. Японцы тщательно и заранее готовят все операции, очень ответственны и методичны, соблюдают все требования военной науки. Их атаки хорошо подготовлены и стремительны, великолепно организована разведка и сигнализация во время боя, правильно организована стрельба и т. д. Японский солдат образованнее русского, он четко знает свою часть, своего командира, свою задачу, храбр и настойчив.

Очень популярны во время войны были очерки Вас. И. Немировича-Данченко, который писал о японских солдатах с искренним восхищением, особенно отмечая их героизм, ни в чем не уступавший героизму русских солдат: «достойный противник, и как глупы те, кто мне ставил в минус справедливость, которую я отдаю нашему врагу. Этим господам издали можно называть его макаками, япошками, давать им титулы подлых, коварных и еще не знаю какие. Но тут от командующего армии и до последнего солдата относятся к “макакам” и “япошкам” с истинным уважением. Нет чести в борьбе с какою-то азиатскою дрянью, и великая слава победить врага могучего, искусного, достойного нашей старой, боевой армии, нашего героя и мученика солдата» [2, № 197].

В армии реальное знакомство с противником тем более меняло отношение к нему, что нашло отражение и в мемуарах, и в прессе. В периоды военных затиший между русскими и японскими солдатами нередко устанавливалось нечто вроде «дружественного нейтралитета»: известны случаи, когда они вместе фуражировались (собирали на полях чумизу и бобы), ходили за водой или сходились на брошенные китайские водочные заводы и угощались водкой. Бывали и случаи переписки, особенно когда одни и те же позиции многократно переходили из рук в руки. Характерно, что «дружественный нейтралитет» устанавливался даже в Порт-Артуре: случалось, что японцы передавали русским солдатам провизию или обе стороны вместе «набегали» на китайские огороды; были и «поединки»: японские и русские солдаты по очереди выскакивали из окопов, а противник стрелял. И всё это – на фоне крайней ожесточенности собственно штурмов.

Неудивительно, что Вас. И. Немирович-Данченко в одном из своих очерков говорил: «Почему он мой враг? Ведь, в сущности, как мне до него, так и ему до меня нет никакого дела. Я даже больше ему удивляюсь – его энергии, способностям, мастерству, патриотизму, и у меня к нему никакой ненависти. Мне многие свои гораздо более враждебны, досадны, неприятны, чем эта черная, маленькая фигурка с ошетинившеюся головою и яркими глазками на плоском лице» [2, № 194].

Е.С. Сенинская в своем исследовании также отмечает: «Воспринимавшиеся на расстоянии как “макаки”, представители другой, непонятной европейцу культуры, при непосредственном соприкосновении оказались людьми вполне цивилизованными, да еще и способными на благородные поступки. В официальных сообщениях японской Главной Квартиры постоянно встречались фразы: “Тела убитых русских воинов погребены со всеми почестями”, “Русские офицеры преданы земле с отдаением особых почестей”. Признавая доблесть своего противника, японцы говорили защитникам Порт-Артура: “Нет никого лучше нас в атаке, нет никого выше вас в обороне. Если бы мы соединились, то завоевали бы весь мир!” А один из русских полков, храбро дравшийся при Сандепу и Муكدене, получил георгиевское знамя по представлению... неприятельского главнокомандующего! О его награждении просил русского императора японский маршал Ойяма» [13, с. 33].

Итак, «образ врага» в отношениях между Японией и Россией не был однозначен даже в годы Русско-японской войны, причем с обеих сторон. В ходе войны от образа «макак» и «варваров» мало что осталось. Более того, для русского общества главным врагом в 1905 г. стали не японцы, а русское самодержавие. К лету 1905 г. огромная русская армия в Маньчжурии просто отказывалась сражаться с японской. Конечно, главной причиной этого были предыдущие поражения русской армии и флота, но сыграло свою роль и изменение восприятия японцев.

Война заставила русское общество более пристально и непредвзято взглянуть и на саму Японию. В.Э. Молодяков отметил в связи с этим: «Война вызвала в России небывалый интерес к Японии – к ее истории, литературе, быту, а не только политике или военному делу. Два военных года дали русскому читателю столько книг и статей (не всегда равноценных, но порой первоклассных) по самым разным сторонам и аспектам японской жизни, сколько не дали предыдущие полвека. Как это ни парадоксально, война дала русскому обществу колоссальный импульс в изучении Японии, иначе знания о ней так и остались бы уделом узкого круга специалистов или знатоков-эстетов» [9, с. 34].

В целом можно сказать, что в России стали уважать Японию и японцев, а культурный стереотип уже не включал в себя представление о японцах

как варварах и низшей расе. Но стереотип «желтой опасности» сохранился, причем преимущественно во властной среде: в японцах видели прежде всего потенциальных шпионов, а саму Японию подозревали в «коварных планах» захвата русских территорий. СМИ и власть действовали тут совместно. Журналы «Разведчик», «Военное дело за границей», «Военная тайна», «Военный сборник» после Русско-японской войны активно разрабатывали тему японского шпионажа. Основу их статей составляло утверждение, что японские мигранты на Дальнем Востоке являются шпионами, а их работа в качестве рыбаков, лавочников, парикмахеров и содержателей борделей является лишь прикрытием. Власти придерживались такого же мнения. Например, приамурский генерал-губернатор П.Ф. Унтербергер в своем письме от 21 января 1909 г. писал П.А. Столыпину, что «японские рыбопромышленники на нашем дальневосточном побережье, без всякого сомнения, попутно занимаются изучением страны» [6, с. 55].

В.О. Зверев, исследовавший вопрос о японском шпионаже и его оценке в СМИ, пришел к выводу, что японская разведка после 1905 г. продолжала активно и планомерно действовать, но бдительность военных СМИ и властей помогала предупреждать проявления шпионажа. В целом же к 1914 г. сложились благоприятные условия «для всеобщего и повсеместного противодействия японским шпионам со стороны государства и патриотически настроенных народных масс» [Там же, с. 62].

Впрочем, на тему «повсеместного патриотического настроения народных масс» можно поспорить. Изучение архивных источников дает несколько иную картину (в частности, симпатии местного населения по отношению к японцам, вплоть до укрывательства последних от властей). Всё тот же приамурский генерал-губернатор П.Ф. Унтербергер с тревогой отмечал в докладной записке от 17 декабря 1908 г.: «Ряд поступивших во мне за последнее время сведений свидетельствует, что влияние японцев на жителей северных уездов Приморской области все увеличивается, и что, не ограничиваясь уже производством рыбного промысла, часть японцев остается здесь круглый год. Например, по донесению Начальника Петропавловского уезда, осенью сего года по западному побережью Камчатки почти в каждом селении осталось на зимовку по одному, по два японца, причем население к ним относится радушно и гостеприимно. Из тех же сведений и донесений видно, что японцы снабжают население дешевым контрабандным спиртом, дают им товары в долг, лечат их бесплатно, дают сельским властям взятки, получая за это разрешение нарушать рыболовные правила и прочее. Все это, по мнению местных представителей власти, склоняет симпатию жителей на сторону японцев, которые в недалеком будущем окончательно заберут в свои руки страну, если не будут приняты энергичные меры противодействия их влиянию» [12, л. 39].

Ничего не могли власти поделаться и с «коммерческой составляющей» вопроса. Русские промышленники неоднократно покрывали японских коллег в деле рыболовства. Например, русские промышленники арендовали на свое имя участки по ловле рыбы, а потом негласно пускали туда японцев, ловили для японцев рыбу и т. п. (естественно, все подобные услуги щедро оплачивались японской стороной).

Таким образом, мы можем видеть, что формирование и восприятие и национальных стереотипов, и даже транслируемого пропагандой «образа врага» – неоднозначный и сложный процесс. Война, которая, казалась бы, должна до предела разжечь межнациональную ненависть, заставляет взглянуть на противника с уважением и даже сочувствием. Усилия властей, направленные на разжигание шпиономании и ксенофобии, разбиваются о реальные контакты людей, в которых оценка представителя иной расы дается исходя из его конкретных поступков, а вовсе не из того, каким его рисует государственная пропаганда. Вместе с тем национальные и культурные стереотипы остаются, хотя и подвергаются трансформации.

Литература

1. Восточное обозрение: общественно-политическая газета. – Иркутск, 1904. – № 1–312.
2. Дальний Восток: газета, посвященная интересам Приамурского края. – Владивосток, 1904. – № 1–294.
3. Дневники святого Николая Японского. В 5 т. Т. 4 [Электронный ресурс] / сост. К. Накамура. – СПб.: Гиперион, 2004. – 976 с. – URL: <http://testlib.meta.ua/book/55/read/> (дата обращения 21.10.2017).
4. Жукова А.В. Восприятие Японии в России накануне Русско-японской войны // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия: сборник статей. – М.: РОССПЭН, 2002. – Вып. 2. – С. 341–356.
5. Головнин В.М. Записки флота капитана Головнина о приключениях его в плену у японцев. – М.: Захаров, 2004. – 464 с.
6. Зверев В.О. Отечественная военная пресса о японском шпионаже (1903–1914 гг.) // Вопросы истории. – 2015. – № 9. – С. 51–63.
7. Игатуэ Н. К постановке проблемы образа Японии и японцев в русском фольклоре XX в. // Фудзимото Вакио. К юбилею ученого: сборник статей. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2004. – С. 75–90.
8. Мацумура М. Российская пропаганда во время Русско-японской войны в 1904–1905 гг. // Россия и АТР. – 2002. – № 4.
9. Молодяков В.Э. Образ Японии в русской культуре серебряного века // Россия и Япония: диалог культур и народов. – М., 2004. – С. 30–39.
10. Молодяков В.Э. Япония в русском сознании и русской культуре конца XIX – начала XX века // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия: сборник статей. – М.: РОССПЭН, 2002. – Вып. 2. – С. 325–340.

11. РГИА ДВ. – Ф. 702. – Оп. 1. – Д. 516.
12. РГИА ДВ. – Ф. 702. – Оп. 1. – Д. 221.
13. *Сенявская Е.С.* Противники России в войнах XX века: эволюция образа врага в сознании армии и общества. – М.: РОССПЭН, 2006. – 288 с.
14. Сибирская Жизнь: ежедневная общедоступная газета. – Томск, 1904. – № 1–285.
15. *Суворин А.С.* Русско-японская война и русская революция: маленькие письма 1904–1908 гг. – М.: Алгоритм, 2005. – 749 с.
16. *Тогава Ц.* Образ России в Японии накануне и после реставрации Мэйдзи // Россия и АТР. – 1993. – № 1.
17. *Чернявский С.В.* Российская миссия в Хакодате. По материалам Российского государственного исторического архива // Международное научное совещание по историческим документам, связанным с Японией и Россией, Японская академия наук, Токио, 23 мая 2017 г. – Токио, 2017. – С. 80–92.

Статья поступила в редакцию 29.09.2017 г.

Статья прошла рецензирование 09.11.2017 г.

DOI: 10.17212/2075-0862-2018-1.1-164-182

**“THE BEAUTEOUS COUNTRY, JAPAN;
THE BEAUTEOUS COUNTRY, RUSSIA”:
THE PARADOXES OF THE FORMATION
AND PERCEPTION OF THE ENEMY
“PATTERN IMAGE”**

Vorobyeva Evelina,
*Cand. of Sc. (History),
Associated Professor, History and Political Science Department
of Novosibirsk State Technical University,
20, Marx st., Novosibirsk, 630073, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-3040-0350
tinva@yandex.ru*

Abstract

This article is devoted to the problem of formation and perception of the “enemy perception pattern” and, in broader frame, of national stereotypes as they are (basing on the example of relations between Japan and Russia). The author explores the process of forming of a cultural stereotype in relation to Japan and the Japanese and notes its duality. By the middle of the XIX century, the perceptory stereotype of the Japanese as “fierce Asians” had developed, but also the idea of them as hardworking, educated, modest, polite, intelligent, etc. people (thanks to the notes of Captain V.M. Golovnin). Further contacts between Japan and Russia (the Treaty of Shimoda signification, the Russian consulate in Hakodate foundation, etc.) made the image of Japan in Russia even more ambiguous. Japan appeared in the eyes of Russian society as a beautiful, “fairy land of samurai and geisha” with an industrious, intelligent and educated people, and simultaneously as an underdeveloped, archaic country with curious customs and traditions (and the Japanese – as narrow-minded, hypocritical and cowardly people).

The change in the geopolitical situation in the early 20th century led to an active preparation for war on both sides, accompanied by massive propaganda aimed at creating an “enemy perception pattern” The author examines the issues on the basis of which the “pattern of the enemy” was formed on the eve of and during the Japanese-Russian War of 1904-1905, what was perceived from this pattern and why, as well as under the influence of what factors this pattern was transformed, including the question of kind of transformation that Japan perception pattern underwent in the Russian media. Attention is drawn to the fact that the key to the formation of the “enemy pattern” against the Japanese was the exaggeration of the Japanese representation as “Asians”, pagans, savages on the one hand, and the theme of “yellow danger” on the other. However, despite all the efforts of the authorities and propaganda, both the perception of the Japanese in Russia and the perception of the Russians in Japan were not unambiguously negative and hostile. In the course of the direct collision of the

sides, the mutual “pattern of the enemy” underwent a significant transformation (especially the perception of the enemy army and navy), and the enemy was treated with respect and even admiration. By the end of the war, the main enemy for Russian society was not the Japanese, but the Russian autocracy.

Finally, the author examines the question of the post-war perception of the Japanese in Russian society and the “limits of rigidity” of national stereotypes. It is noted that the idea of the Japanese as barbarians of lower race has been removed from the cultural stereotype, but the idea of a “yellow danger” (largely due to the position of the authorities in inciting spy mania and xenophobia towards the Japanese) has been preserved. At the same time, Russian society retained sympathy for the Japanese, especially in the Far Eastern regions.

Keywords: Japan, national and cultural stereotypes, enemy perception pattern, propaganda, spy mania.

Bibliographic description for citation:

Vorobeva E.A. “The beauteous country, Japan; the beauteous country, Russia”: the paradoxes of the formation and perception of the enemy “Pattern image”. *Idei i idealy – Ideas and Ideals*, 2018, no. 1, vol. 1, pp. 164–182. doi: 10.17212/2075-0862-2018-1.1-164-182. (In Russian).

References

1. *Vostochnoe obozrenie*: obshchestvenno-politicheskaya gazeta [Eastern Review: socio-political newspaper]. Irkutsk, 1904, no. 1–312.
2. *Dal'nii Vostok*: gazeta, posvyashchennaya interesam Priamurskogo kraia [The Far East: a newspaper dedicated to the interests of the Amur region]. Vladivostok, 1904, no. 1–294.
3. Nakamura K., comp. *Dnevniky svyatogo Nikolaya Yaponskogo*. V 5 t. T. 4 [The diaries of St. Nicholas of Japan. In 5 vol. Vol. 4]. St. Petersburg, Giperion Publ., 2004. 976 p. Available at: <http://testlib.meta.ua/book/55/read/> (accessed 21.10.2017).
4. Zhukova L.V. *Vospriyatie Yaponii v Rossii nakanune Russko-yaponskoi voiny* [Perception of Japan in Russia on the eve of the Russo-Japanese War]. *Rossiya i mir glazami drug druga: iz istorii vzaimovospriyatiya* [Russia and the world through the eyes of each other: from the history of mutual perception]. Moscow, 2002, iss. 2, pp. 341–356.
5. Golovnin V.M. *Zapiski flota kapitana Golovnina o priklyucheniyakh ego v plenu u yaponsev* [Notes of the fleet of Captain Golovnin about his adventures in captivity with the Japanese]. Moscow, Zakharov Publ., 2004. 464 p.
6. Zverev V.O. *Otechestvennaya voennaya pressa o yaponskom shpionazhe (1903–1914 gg.)* [Russian military press about the Japanese espionage (1903–1914 years)]. *Voprosy istorii – Issues of History*, 2015, no. 9, pp. 51–63.
7. Igaue N. *K postanovke problemy obraza Yaponii i yapontsev v russkom fol'klore XX v.* [To the statement of the problem of the image of Japan and the Japanese in Russian folklore of XX century]. *Fudzjimoto Vakio. K jubileyu uchenogo* [Fujimoto wakio. A book of articles to jubilee of scholar]. Vladivostok, Far Eastern Federal University Publ., 2004, pp. 75–90.

8. Matsumura M. Rossiiskaya propaganda vo vremya Russko-yaponskoi voyny v 1904–1905 gg. [Russian propaganda during Japanese-Russian war in 1904–1905]. *Rossiya i ATR – Russia and the Pacific*, 2002, no. 4.
9. Molodyakov V.E. Obraz Yaponii v russkoi kul'ture serebryanogo veka [The image of Japan in Russian culture silver Age]. *Rossiya i Yaponiya: dialog kul'tur i narodov* [Russia and Japan: dialogue of cultures and Peoples]. Moscow, 2004, pp. 30–39.
10. Molodyakov V.E. Yaponiya v russkom soznanii i russkoi kul'ture kontsa XIX – nachala XX veka [Japan in the Russian consciousness and Russian culture of the late XIX – early XX century]. *Rossiya i mir glazami drug druga: iz istorii vzaimovospriyatiya* [Russia and the world through the eyes of each other: from the history of mutual perception]. Moscow, 2002, iss. 2, pp. 325–340.
11. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Dal'nego Vostoka* [Russian State Historical Archive of the Far East]. F. 702. Inv. 1. Doc. 516.
12. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Dal'nego Vostoka* [Russian State Historical Archive of the Far East]. F. 702. Inv. 1. Doc. 221.
13. Senyavskaya E.S. *Protivniki Rossii v voynakh XX veka: evolyutsiya obraza vruga v soznanii armii i obshchestva* [Opponents of Russia in the wars of the twentieth century: Evolution of the enemy image in the minds of the army and society]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2006. 288 p.
14. *Sibirskaya Zhizn'*: ezhednevnyaya obshchedostupnaya gazeta [Siberian Life: daily public newspaper]. Tomsk, 1904, no. 1–285.
15. Suvorin A.S. *Russko-yaponskaya voyna i russkaya revolyutsiya: malen'kie pis'ma 1904–1908 gg.* [The Russo-Japanese War and the Russian Revolution. Small letters 1904–1908 years]. Moscow, Algoritm Publ., 2005. 749 p.
16. Togava Ts. Obraz Rossii v Yaponii nakanune i posle restavratsii Meidzi [Russian image in Japan on the eve of Meiji Restoration and after]. *Rossiya i ATR – Russia and the Pacific*, 1993, no. 1.
17. Chernyavskii S.V. [Russian mission in Hakodate. Based on the materials of the Russian State Historical Archive]. *Mezhdunarodnoe nauchnoe soveshchanie po istoricheskim dokumentam, svyazannym s Yaponiei i Rossiei* [International scientific conference on historical documents related to Japan and Russia], The Japan Academy, Tokyo, May 23, 2017, pp. 80–92.

The article was received on September 29, 2017.

The article was reviewed on November 09, 2017.